

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 64. «Да, сей пожар мы поджигали»

Выпуск № 868

Осип Мандельштам

Петербургские строфы

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припёке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, как броненосец в доке, –
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба –
Онегина старинная тоска;
На площади Сената – вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход –
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянёт!

1913, 1927

Иннокентий Анненский

Петербург

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознёсся орел наш двуглавый,
В тёмных лаврах гигант на скале, –
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слёз, ни улыбки...
Только камни из мёрзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

Выпуск № 1103

Осип Мандельштам

Адмиралтейство

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листе прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали – воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря –
И вот разорваны трёх измерений узы
И открываются всемирные моря.

1913

Фёдор Сологуб

Овеществлённая дремота –
Адмиралтейская игла,
Вверху кораблик. Позолота
На них мечтательно светла.

На это лёгкое мечтанье,
Летающее в святую весь,
Так непохожа строгость зданья,
Которое воздвиглось здесь.

В определённых, ясных тонах
И красных крыш пологий склон,
И барельефы на фронтонах,
И охра стен, и мел колонн.

А там, за каменным порогом,
В стальной замкнувшись затвор,
Чертог вознёсся за чертогом
С большими окнами в простор.

Там собирались адмиралы.
Пройдя багровый дым боёв,
Они вступали в эти залы
Для управительных трудов.

Пестрели ленты, и сверкали
Медали, звёзды, ордена,
Брильянты, золото, эмали,
Всё, чем кокетлива война.

Засматривался часто чёртик
Тщеславья или власти бес
На золочёный тонкий кортик
И на эмалевый эфес.

Кораблик плыл, гоним ветрами,
Как все кораблики плывут,
И проносились перед нами
Цусима, Чесма и Гангут.

Так переменчивые годы
Текли, текут и будут течь
В веках неволи и свободы,
Пока не перекован меч.

1921

Выпуск № 892

Осип Мандельштам

Декабрист

– Тому свидетельство языческий сенат –
Сии дела не умирают! –
Он раскурил чубук и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют.

Честлюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.

Шумели в первый раз германские дубы,
Европа плакала в тенётах.
Квадриги чёрные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.

Бывало, голубой в стаканах пунш горит,
С широким шумом самовара
Подруга рейнская тихонько говорит,
Вольнолюбивая гитара.

– Ещё волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства!
Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.

Всё перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Всё перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

1917

Александр Блок

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.

Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерёг исступлённый дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времён,
И была наша участь – мгновенна.

1904

[Выпуск № 1325](#)

[Александр Блок](#)

из цикла «Город»

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик – преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли –
Всем безумным приют.

В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

1904

Город в красные пределы
Мёртвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стёкла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон –
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет вёдра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бёдра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

1904

Марина Цветаева

Заводские

1

Стоят в чернорабочей хмури
Закопченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.

В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредёт.
Последняя труба окраины
О праведности вопиёт.

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: ещё мы тут!
Какая на-смерть осуждённость
В той жалобе последних труб!

Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая заживо-зарытость
И выведенность на убой!

А Бог? – По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждём!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвождён.

Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет – до
Скончания.
– Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо:

Завод! Завод! Ибо зовётся
Заводом этот чёрный взлёт.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь – ибо зовёт

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,

Когда над городом последним
Взрвёт последняя труба.

1922

2

Книгу вечности на людских устах
Не вотще листав –
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав

И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю – дальнюю – дальше всех
Дальних – дольше всех...

Далечайшую...
 Говорит: приду!
И ещё: в гробу!
Труднодышащую – наших дел судью
И рабу – трубу.

Что над городом утверждённых зверств,
Прокаженных детств,
В дымном олове – как позорный шест
Поднята, как перст.

Голос шахт и подвалов,
– Лбов на чахлом стебле! –
Голос сирых и малых,
Злых – и правых во зле:

Всех прокопченных, коих
Чёрт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.

Кому – нету отбросов!
Сам – последний ошмёт!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим, – Тот!

Погребов твоих щебет,
Где растут без луча.
Кому нету отребьев:
Сам – с чужого плеча!

Шевельнуться не смеет.
Родился – и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.

Чёрных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд.
Крик, что кровью окрашен:
Там, где любят и бьют...

Голос, бьющийся в прахе
Лбом – о кротость Твою,
(Гордецов без рубахи
Голос – свой узнаю!)

Еженощная ода
Красоте твоей, твердь!
Всех – кто с чёрного хода
В жизнь, и шёпотом в смерть.

У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав –
Ибо все неправны – на камень встав,
В плеске первых трав...

И навстречу, с безвестной
Башни – в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.

1922

[Выпуск № 545](#)

[Александр Блок](#)

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточён,

Ещё монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Ещё не властен на Неве.

Уже на домах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы тёмные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

1905

Максимилиан Волошин

Из бездны (октябрь 1917)

А. А. Новинскому

Полночные вздулись воды,
И ярость взметённых толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времён исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого всхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным —
Ах, в самом косном и тёмном

Пленён мировой дух!
Бичами страстей гонимы –
Распяты серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны – со дна паденья
Благословляю цветенье
Твоё – всестрастной свет!

1918

Выпуск № 1013

Максимилиан Волошин

Москва
(Март 1917 г.)

В.А. Рагозинскому

В Москве на Красной площади
Толпа черным-черна.
Гудит от тяжкой поступи
Кремлевская стена.

На рву у места Лобного
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова.

Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.

По грязи ноги хлюпают,
Молчат... проходят... ждут...

На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.

1917

Владислав Ходасевич

2-го ноября

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь – и, обессилев, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. Так, переждав ненастье,
На задний двор, к широкой луже, крысы
Опасливой выходят вереницей
И прочь бегут, когда вблизи на камень
Последняя спадает с крыши капля...
К полудню стали собираться кучки.
Глазели на пробоины в домах,
На сбитые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользнувших пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лавок. Проволок обрывки висли
Над улицами. Битое стекло
Хрустело под ногами. Желтым оком
Ноябрьское негреющее солнце
Смотрело вниз, на постаревших женщин
И на мужчин небритых. И не кровью,
Но горькой желчью пахло это утро.
А между тем уж из конца в конец,
От Пресненской заставы до Рогожской
И с Балчуга в Лефортово, брели,
Теснясь на тротуарах, люди. Шли проведать
Родных, знакомых, близких: живы ль, нет ли?
Иные узелки несли под мышкой
С убогой снедью: так в былые годы
На кладбище москвич благочестивый
Ходил на Пасхе – красное яичко
Съесть на могиле брата или кума...

К моим друзьям в тот день пошёл и я.
Узнал, что живы, целы, дети дома, —
Чего ж ещё хотеть? Побрёл домой.
По переулкам ветер, гость залётный,
Гонял сухую пыль, окурки, стружки.
Домов за пять от дома моего,
Сквозь мутное окошко, по привычке
Я заглянул в подвал, где мой знакомый
Живёт столяр. Необычным делом
Он занят был. На верстаке, вверх дном,
Лежал продолговатый, узкий ящик
С покатыми боками. Толстой кистью
Водил столяр по ящику, и доски
Под кистью багровели. Мой приятель
Заканчивал работу: красный гроб.
Я постучал в окно. Он обернулся.
И, шляпу сняв, я поклонился низко
Петру Иванычу, его работе, гробу,
И всей земле, и небу, что в стекле
Лазурью отражалось. И столяр
Мне тоже покивал, пожал плечами
И указал на гроб. И я ушёл.

А на дворе у нас, вокруг корзины
С плетёной дверцей, суетились дети,
Крича, толкаясь и тесня друг друга.
Сквозь редкие, поломанные прутья
Виднелись перья белые. Но вот —
Протяжно заскрипев, открылась дверца,
И пара голубей, плеща крылами,
Взвилась и закружилась: выше, выше,
Над тихой Плющихой, над рекой...
То падая, то подымаясь, птицы
Ныряли, точно белые ладьи
В дали морской. Вослед им дети
Свистали, хлопали в ладоши... Лишь один,
Лет четырёх бутуз, в ушастой шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Но, заглянув ему в глаза, я понял,
Что улыбается он самому себе,
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, ещё безбровым лбом,
И слушает в себе биенье сердца,
Движеньё соков, рост... Среди Москвы,

Страдающей, растерзанной и падшей, –
Как идол маленький, сидел он, равнодушный,
С бессмысленной, священной улыбкой.
И мальчику я поклонился тоже.

Дома

Я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни "Моцарт и Сальери", ни "Цыганы"
В тот день моей не утолили жажды.

1918

Выпуск № 796

Марина Цветаева

Чуть светает –
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы –
Старухи, воры.
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.
В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из чёрной тряпицы
Выползают на свет Божий
Гроши нищие,
Гроши острожные,
Потом и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про чёрный день

Да на помин души
Отложенные.

Так, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры –
Старухи, воры:
За живот, за здоровье
Раба Божьего – Николая.

Так, на рассвете,
Тёмный свой пир
Справляет подполье.

1917

Осип Мандельштам

Всё чуждо нам в столице непотребной:
Ее сухая чёрствая земля,
И буйный торг на Сухаревке хлебной,
И страшный вид разбойного Кремля.

Она, дремучая, всем миром правит.
Миллионами скрипучих арб она
Качнулась в путь – и пол-вселенной давит
Её базаров бабья ширина.

Её церковей благоуханных соты –
Как дикий мёд, заброшенный в леса,
И птичьих стай густые перелёты
Угрюмые волнуют небеса.

Она в торговле хитрая лисица,
А перед князем – жалкая раба.
Удельной речки мутная водица
Течёт, как встарь, в сухие желоба.

1918

Выпуск № 272

Марина Цветаева

Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!
Взойдите. Гора рукописных бумаг...
Так. – Руку! – Держите направо, –
Здесь лужа от крыши дырявой.

Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук,
Какую мне Фландрию вывел паук.
Не слушайте толков досужих,
Что женщина – может без кружев!

Ну-с, перечень наших чердачных чудес:
Здесь нас посещают и ангел, и бес,
И тот, кто обоих превыше.
Недолго ведь с неба – на крышу!

Вам дети мои – два чердачных царька,
С весёлою музой моею, – пока
Вам призрачный ужин согрею, –
Покажут мою эмпирию.

– А что с Вами будет, как выйдут дрова?
– Дрова? Но на то у поэта – слова
Всегда – огневые – в запасе!
Нам нынешний год не опасен...

От века поэтовы корки черствы,
И дела нам нету до красной Москвы!
Глядите: от края – до края –
Вот наша Москва – голубая!

А если уж слишком поэта доймёт
Московский, чумной, девятнадцатый год, –
Что ж, – мы проживём и без хлеба!
Недолго ведь с крыши – на небо.

1919

Владислав Ходасевич

Музыка

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Ещё воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Ещё не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало всё: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Серебро-розов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских.
И маленьким таким вдруг оказался
Дородный мой сосед, Сергей Иваныч.
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу.
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колун над головою
Заносит он, но – тук! тук! тук! – не громко
Звучат удары: небо, снег и холод
Звук поглощают... "С праздником, сосед". –
"А, здравствуйте!" Я тоже расставляю
Свои дрова. Он – тук! Я – тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: "Постойте-ка минутку,
Как будто музыка?" Сергей Иваныч
Перестаёт работать, голову слегка
Приподымает, ничего не слышит,
Но слушает старательно... "Должно быть,
Вам показалось", – говорит он. "Что вы,
Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!"
Он слушает опять: "Ну, может быть –
Военного хоронят? Только что-то
Мне не слышать". Но я не унимаюсь:
"Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
И музыка идёт как будто сверху.
Виолончель... и арфы, может быть...
Вот хорошо играют! Не стучите".
И бедный мой Сергей Иваныч снова
Перестает колоть. Он ничего не слышит,
Но мне мешать не хочет и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоит он посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонию. И жалко

Мне наконец становится его.
Я объявляю: "Кончилось". Мы снова
За топоры берёмся. Тук! Тук! Тук!.. А небо
Такое же высокое, и так же
В нём ангелы пернатые сияют.

1920

Выпуск № 756

Максимилиан Волошин

Гражданская война

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные тёмной волей
И горьким дымом городов.

Другие – из рядов военных,
Дворянских разорённых гнёзд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других – лишённых всех корней –
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский –
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Всё золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадётся хищник стаяй жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

Сгноить её пшеницы груды,
Её бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаных жнитв.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас – тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

1919

[Анна Ахматова](#)

Петроград, 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озёра, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь

Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя
А не крылатую свободу
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

1920

Выпуск № 982

Марина Цветаева

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце – доколе не надоест! –
И желтый-желтый за синею рощей крест,
И сладкий жар, и такое на всём сиянье,
И имя твоё, звучащее словно: Ангел.

1916

Анна Ахматова

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днём, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

Михаил Кузмин

Декабрь морозит в небе розовом,
Нетопленный мрачнеет дом.
А мы, как Меншиков в Берёзове,
Читаем Библию и ждём.

И ждём чего? самим известно ли?
Какой спасительной руки?
Уж взбухнувшие пальцы треснули
И развалились башмаки.

Никто не говорит о Врангеле,
Тупые протекают дни.
На златокованном Архангеле
Лишь млеют сладостно огни.

Пошли нам крепкое терпение,
И кроткий дух, и лёгкий сон,
И милых книг святое чтение,
И неизменный небосклон!

Но если ангел скорбно склонится,
Заплакав: "Это навсегда!" –
Пусть упадёт, как беззаконница,
Меня водившая звезда.

Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
О, бедная моя любовь.
Струями нежными, не пылкими,
Родная согревает кровь,

Окрашивает щёки розово,
Не холоден минутный дом,
И мы, как Меншиков в Берёзове,
Читаем Библию и ждём.

1920

Выпуск № 1063

Анна Ахматова

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час;
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

1922

Вячеслав Иванов

Да, сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нём сгорит.

Гори ж, истлей на самозданном,
О сердце-Феникс, очаге
И суд свой узнавай в нежданном,
Тобою вызванном слуге.

Кто развязал Эолов мех,
Бурь не кори, не фарисействуй.
Поёт Трагедия: "Всё грех,

Что действие", Жизнь: "Все за всех",
А воля действенная: "Действуй!"

1919

Максимилиан Волошин

Готовность

Посв. С. Дурылину

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещение
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде – верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи, – вот плоть моя!»

1921

Выпуск № 924

Иван Бунин

Шепнуть заклятие при блеске
Звезды падучей я успел,
Да что изменит наш удел?
Всё те же топи, перелески,

Всё та же полночь, дичь и глушь...
А если б даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды наших тёмных душ,
То что с того?
Уж нет возврата
К тому, чем жили мы когда-то,
Потерь не счесть, не позабыть,
Пощёчин от солдат Пилата
Ничем не смыть – и не простить,
Как не простить ни мук, ни крови,
Ни содроганий на кресте
Всех убиенных во Христе,
Как не принять грядущей нови
В её отвратной нагоде.

1922

Сергей Есенин

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя чёрная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даёшься ножу!
Как и ты – я, отвсяду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты – я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921

Выпуск № 681

Анна Ахматова

Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток,
Юг мне воздух очень скупко мерил,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой старый друг, мой верный Север
Утешал меня, как только мог.
В душной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: "Ты всё узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!"

1963

Осип Мандельштам

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денёк,
Где к зловещему дёгтю подмешан желток.

Петербург! я ещё не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня ещё есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

1930

Выпуск № 713

Осип Мандельштам

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? –
И хочется мычать от всех замков и скрепок.

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы –
И прячутся поспешно в уголки
И выбегают из углов угланы...

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке

И, спотыкаясь, мёртвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке –

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мёрзлый деревянный короб:
– Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!

1937

Ирина Ратушинская

О. М.

Ни сына не оставивший, ни дома,
Во вьюгу поднятый среди строки,
Щерблёною дорогою ведомый –
Нелепым дуновением руки,
Бессмертным птичьим взмахом –
Не меня ли
Благословил на этот мёрзлый путь?
И правящему чёрными конями
Я не боюсь в глазницы заглянуть:
Ни странных птиц кружение и трепет,
Ни гул последней облачной черты –
Не преуспеют испугать, раз ты
Уже на берег вышел, чтобы встретить,
И ждёшь у края сумрачной воды.
Я узнаю твой взмах – и рвутся звенья
Бессильных уз, и опадает тлен!
А ты сейчас шагнёшь по неземле –
И руку мне подашь, чтобы забвеньё
Не доплеснуло до моих колен.

1983

Выпуск № 1210

Ирина Ратушинская

Письмо в 21-й год

Николаю Гумилёву

Оставь по эту сторону земли
Посмертный суд и приговор неправый.
Тебя стократ корнями оплели
Жестокой родины забывчивые травы.

Из той земли, которой больше нет,
Которая с одной собой боролась,
Из омута российских смут и бед –
Я различаю твой спокойный голос.

Мне время – полночь – чётко бьёт в висок.
Да, конквистадор! Да, упрямый зодчий!
В твоей России больше нету строк –
Но есть язык свинцовых многоточий.
Тебе ль не знать?

Так научи меня
В отчаяньи последней баррикады,
Когда уже хрипят:
– Огня, огня! –
Понять, простить – но не принять пощады!

И пусть обрядно кружится трава –
Она привыкла, ей труда немного.
Но, может, мне тогда придут слова,
С которыми я стану перед Богом.

1979

Даниил Андреев

Гумилёв

(из цикла «Крест поэта»)

...Ах, зачем эти старые сны:
Бури, плаванья, пальмы, надежды,
Львиный голос далекой страны,
Люди чёрные в белых одеждах...
Там со мною, как с другом, в шатре
Говорил про убитого сына,
Полулёжа на старом ковре,
Император с лицом бедуина...

Позабыть. Отогнать. У ручья
Всё равно никогда не склониться,
Не почувствовать, как горяча
Плоть песка, и воды не напиться...
Слышу подвига тяжкую власть
И душа тяжелеет, как колос:
За Тебя – моя ревность и страсть.
За Тебя – моя кровь и мой голос.

Разве душу не Ты опалил
Жгучим ветром страны полудённой,
Моё сердце не Ты ль закалил
На дороге, никем не пройдённой?

Смертной болью томлюсь и грущу,
Вижу свет на бесплотном Фаворе,
Но не смею простить, не прошу
Моей Родины грешное горе.
Да, одно лишь сокровище есть
У поэта и у человека
Белой шпагой скрестить свою честь
С чёрным дулом бесчестного века.

Лишь последняя ночь тяжела:
Слишком грузно течение крови,
Слишком помнится дальняя мгла
Над кострами свободных становий...
Будь спокоен, мой вождь, господин,
Ангел, друг моих дум, будь спокоен:

Я сумею скончаться один,
Как поэт, как мужчина и воин.

1935

Выпуск № 1178

Зинаида Миркина

Мы пришли на молитвенный остров,
На молитвенный, чистый простор.
Там, где тихо, высоко и просто,
Там, где с Богом идёт разговор.
И попали на землю раздора,
Землю крови, кощунства, войны,
Где разрушенного простора
Затаённые крики слышны.
Но над криком, над стоном, над битвой
Сомкнут Духа немой океан –
Негасимое пламя молитвы,
Превращённое в белый туман.

Максимилиан Волошин

Плаванье

(Одесса – Ак-Мечеть. 10–15 мая)

Посв. Т. Цемах

Мы пятый день плывём, не опуская
Поднятых парусов,
Ночуя в устьях рек, в лиманах, в лукоморьях,
Где полная луна цветёт по вечерам.

Днём ветер гонит нас вдоль плоских,
Пустынных отмелей, кипящих белой пеной.
С кормы возвышенной, держась за руль резной,
Я вижу,
Как пляшет палуба,
Как влажною парчою

Сверкают груды вод, а дальше
Сквозь переплёт снастей – пустынный окоём.
Плеск срезанной волны,
Тугие скрипы мачты,
Журчанье под кормой
И неподвижный парус...

А сзади – город,
Весь в красном исступлении
Расплесканных знамён,
Весь воспалённый гневом и страхом,
Ознобом слухов, дрожью ожиданий,
Томимый голодом, поветриями, кровью,
Где поздняя весна скользит украдкой
В прозрачном кружеве акаций и цветов.

А здесь безветрие, безмолвие, бездонность,
И небо и вода – две створы
Одной жемчужницы.
В лучистых паутинах застыло солнце.
Корабль повис в пространствах облачных,
В сиянии притупленном и дымном.

Вон виден берег твоей земли –
Иссушенной, полынной, каменистой,
Усталой быть распутием народов и племен.

Тебя свидетелем безумий их поставлю
И проведу тропую лезвиной
Сквозь пламена войны
Братоубийственной, напрасной, безысходной,
Чтоб ты пронёс в себе великое молчанье
Закатного, мерцающего моря.

1919